КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВ, ВОЗНИКШИХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ЯСТРЕБОВ Владислав Борисович, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: depcrp@law.msu.ru

МОЛЧАНОВА Марина Алексеевна, магистрант 2 курса юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: Mol4anowa.m@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы имплементации международных антикоррупционных соглашений в законодательство государств, возникших на постсоветском пространстве. В частности, анализируется влияние Конвенции ООН против коррупции, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и других международно-правовых документов на формирование антикоррупционного законодательства России и стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Подробно освещается проблема ратификации статьи 20 Конвенции ООН о признании в качестве уголовно наказуемого деяния незаконного обогащения. Рассматривается возможность введения в уголовное законодательство России и других стран СНГ норм об уголовной ответственности юридических лиц и ее значение для решения задач противодействия коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, международные договоры о противодействии коррупции, незаконное обогащение, уголовная ответственность юридических лиц.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL ANTICORRUPTION AGREEMENTS INTO THE LEGISLATIONS OF THE STATES, ESTABLISHED ON THE TERRITORY OF THE FORMER SOVIET UNION

V. B. YASTREBOV, professor of the criminal process, justice and prosecutorial supervision chair of the law faculty of the Lomonosov Moscow State University, doctor of legal sciences, honored lawyer of the Russian Federation

1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991

E-mail: depcrp@law.msu.ru

M. A. MOLCHANOVA, undergraduate of the law faculty of the Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991

E-mail: Mol4anowa.m@yandex.ru

This article analyzes and reveals the problems of implementation of international anticorruption agreements into the legislations of the states, established on the territory of the former Soviet Union. In particular, this article also analyzes and reveals the influence of the Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption and other international legal documents concerning the formation of the anticorruption legislations of Russia and the member States of the Commonwealth of Independent States. In this article, the author analyzes in detail the problem connected with the ratification of article 20 of the United Nations Convention against Corruption on recognizing illegal enrichment as a criminal offense. The author analyzes in detail and reveals the possibility of introducing criminal responsibility for companies into the criminal legislation of Russia and other member States

of the Commonwealth of Independent States. Also the author inspects and analyzes in detail the importance of this problem in solving the tasks of combating corruption.

Keywords: anticorruption legislation, international agreements on combating corruption, illegal enrichment, criminal responsibility of the companies.

DOI: 10.12737/20587

Активный процесс формирования национально-го законодательства в странах Содружества Независимых Государств, входивших ранее в состав СССР, после его распада выдвинул в качестве важнейшей задачи создание полноценной правовой базы противодействия коррупции как одного из ведущих направлений обеспечения законности и правопорядка на постсоветском пространстве. Как острейшая глобальная проблема, все более приобретающая в современном мире транснациональный характер, коррупция требует адекватной реакции государств как на национальном, так и на международном уровне.

В связи с этим представляется необходимым в качестве несомненных условий успешного решения данной задачи наряду с взаимным обменом опытом правотворческой деятельности рассматривать повышение использования потенциала имплементации в национальное законодательство доказавших свою практическую политическую значимость общепризнанных принципов и норм международного права, которые, так же как в Российской Федерации, в странах СНГ получили признание в качестве составной части их правовых систем¹.

В настоящее время, как известно, внешнеполитическая деятельность России, как и в большинстве других бывших республик СССР, осуществляется под эгидой укрепления международного сотрудничества, предполагающего наличие единой организационной и правовой основы борьбы с коррупцией. Являясь участником международных договоров², Российская Федерация взяла на себя ряд важных обязательств по приведению национального законодательства в соответствие с антикоррупционными стандартами.

Коррупция названа в числе основных угроз государственной и общественной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 43), утвержденной Указом Президента РФ от

31 декабря 2015 г. № 683. В Стратегии (п. 46) особое внимание уделено искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов. В этих целях реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции³, в обществе формируется атмосфера неприемлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной области⁴.

Международно-правовые акты оказали значительное влияние на формирование антикоррупционного законодательства РФ. Так, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» формировался с учетом принципиальных установок Конвенции ООН против коррупции, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, других международно-правовых документов. Аналогичный вывод позволяет сделать анализ антикоррупционного законодательства стран СНГ⁵.

³ См. Указы Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 годы»; от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014—2015 годы»; от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы».

⁴ Подробнее см.: Хабриева Т. Я. Научное обеспечение предупреждения коррупции: преодоление стереотипов и современные проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2. С. 165—172; Юсуфов А. Ш. Основные направления деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2. С. 198—203.

⁵ См.: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»; Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции»; Стратегия «Казахстан-2050» — новый политический курс состоявшегося государства. URL: http://forbes.kz/process/strategiya_kazahstan-2050_-_novyi_politicheskiy_kurs_sostoyavshegosya_gosudarstva; Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015—2025 годы»; Указ Президента Республики Таджикистан от 30 августа

¹ См.: Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г.; Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875; Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.; Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г.; Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г.

² См.: Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1960 г.; Конвенция ООН против коррупции 2003 г.; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.; Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г. и др.

Последовательно отстаивая права и свободы человека и гражданина при рассмотрении дел о коррупционных правонарушениях, российские суды и правоохранительные органы строго следуют предписаниям Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1960 г. и Протоколов к ней. Положения Конвенции о разумном сроке публично-разбирательства заняли достойное место в уголовно-процессуальном законодательстве России в качестве развернутой характеристики принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

При рассмотрении проблемы имплементации международных соглашений в российское уголовное законодательство особое значение имеет Конвенция ООН против коррупции⁶. По своим целям, сфере применения, содержанию Конвенция в целом соответствует российской правовой доктрине и правилам правотворческой деятельности. Тем не менее она была ратифицирована с заявлением, в котором не содержалось упоминания в числе признаваемых преступными деяний, в отношении которых Российская Федерация обладает юрисдикцией состава умышленного незаконного обогащения, предусмотренного ст. 20. Согласно данной статье уголовно наказуемым незаконным обогащением предлагается считать значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумно обосновать.

Статья 20 Конвенции ООН против коррупции вызвала острую дискуссию среди теоретиков, политиков, практикующих юристов и даже среди широких слоев населения⁷. При том, что после ратификации Конвенции специалисты предлагали различные варианты законопроектов о дополнении Уголовного кодекса РФ соответствующей статьей⁸, большинство юри-

стов все-таки выразили сомнение по поводу введения в Уголовный кодекс РФ положения ст. 20 упомянутой Конвенции. Некоторые высказывания выглядели в общем плане достаточно убедительно. Так, по мнению Е. В. Селиной, «неосновательное (в Конвенции — незаконное. — *Прим. авт.*) обогащение имеет значение не изолированно, а в качестве элемента юридического состава, но для России криминализация означает изменения именно в Уголовном кодексе и дополнения по фактическому составу к тем составам, которые уже существуют в УК РФ (а составов для этого дополнения в УК не существует)⁹». Традиционно в духе своего рода «правового патриотизма» отреагировал на ст. 20 Конвенции ООН против коррупции В. Михайлов, который убежден, что «включение в национальное законодательство соответствующих положений формируется без должного учета особенностей менталитета российского социума и вопреки особенностям правовой системы нашей страны»¹⁰, но отмечает при этом, что данная статья носит диспозитивный, а не императивный характер. В разных модификациях аналогичные аргументы встречаются и у других авторов.

Бесспорно, в высказываниях оппонентов ст. 20 Конвенции ООН против коррупции можно усмотреть обоснованную заботу о соблюдении конституционного принципа российского законодательства — презумпции невиновности. Немаловажным является звучащее в выступлениях специалистов, не приемлющих присутствие в уголовном законодательстве состава незаконного обогащения, опасение, касающееся возникновения вероятности объективного вменения, необъективности выяснения обстоятельств дела. Не лишены права на существование и другие аргументы, отрицающие допустимость криминализации незаконного обогащения в российском уголовном праве. Не повторяя высказанные доводы как за, так и против позитивного решения данного вопроса, попытаемся определить свое отношение к нему.

Прежде всего невольно возникает вопрос: что же все-таки превагирует в позиции противников ст. 20 Конвенции ООН против коррупции — стремление к соблюдению чистоты уголовного закона или что-то иное, не исключая помимо тревоги за судьбу граждан, которые по формальным признакам могут быть причислены к категории коррупционеров и незаконно подвергнуты наказанию за якобы имевшее место незаконное обогащение, скажем, незамысловатую заботу о коррупционерах?

⁹ Селина Е. В. Презумпция невиновности в уголовном праве // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 37—39.

¹⁰ Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идей в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 113—114.

2013 г. № 1504 «О Стратегии по противодействию коррупции в Республике Таджикистан на 2013—2020 годы»; распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 5 сентября 2012 г. № 2421 «Об утверждении “Национального плана деятельности по развитию Открытого Правительства на 2012—2015 гг.” и “Национального плана деятельности по борьбе с коррупцией на 2012—2015 гг.”».

⁶ Подробнее см.: Хабриева Т. Я. Конференция ООН против коррупции 2015 года в России: новые подходы и идеи // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1084—1090.

⁷ До сих пор не утихает спор о ее ратификации. Подробнее см.: Ратификация от противного // Ведомости. № 3735. 2014. 11 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/12/11/ratifikaciya-ot-protivnogo>; Взятки не гладки // Российская газета № 6552. 2014. 12 сент. URL: <https://rg.ru/2014/12/09/ivanov.html>.

⁸ См.: Дум С. С. Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования антикоррупционного законодательства России // Российский следователь. 2010. № 22. С. 11; Алексеев А. Презумпция против коррупции // Законность. 2008. № 4. С. 2—8.

Видимо, определяя отношение к ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, нельзя не отдавать отчет в том, что коррупция в современных условиях приобрела небывалую распространенность. Потери от коррупции огромны. Значительное место среди последствий коррупции занимает обретение, по сути, за счет преступной деятельности громадных состояний. Соответственно эффект привлечения к уголовной ответственности за незаконное обогащение, да к тому же сопряженный с изъятием коррупционных «накоплений», может иметь решающее значение, причем не столько для пресечения коррупционных проявлений со стороны конкретных лиц, сколько, и это, пожалуй, главное, для решения задач общего предупреждения коррупции.

Необходимость учета названных соображений подтверждается опытом государств, возникших на территории постсоветского пространства (Республика Беларусь, Республика Казахстан и др.), которые признали ст. 20 Конвенции ООН против коррупции¹¹.

Следует заметить, что сама по себе идея установления ответственности за незаконное обогащение отнюдь не чужда российскому антикоррупционному законодательству. Она определяет смысл и суть Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Фактически о незаконном обогащении говорится в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем».

Опасение, что включение в уголовное законодательство статьи, устанавливающей ответственность за незаконное обогащение, приведет к утверждению практики объективного вменения, представляется чрезмерным. Возможные проявления объективного вменения могут быть радикально нейтрализованы надлежащей практикой применения закона.

Уместно также отметить, что введение уголовной ответственности за незаконное обогащение не исключает использования в качестве эффективного способа борьбы с коррупцией института обязательств вследствие неосновательного обогащения (ст. 1102—1108 ГК РФ), который может быть задействован в целях лишения недобросовестных государственных служащих незаконно нажитых материальных благ, но и не препятствует ему¹². В связи с этим следует добавить, что в активной стадии находится рассмотрение вопроса об участии России в Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за

коррупцию 1999 г.¹³ В равной мере введение уголовной ответственности за незаконное обогащение не препятствует реализации соответствующих норм, закрепленных в законодательстве о налогах, трудовых отношениях и государственной службе и других отраслях права.

Изложенные соображения, на наш взгляд, указывают на возможность положительного решения вопроса об отношении к ст. 20 Конвенции ООН против коррупции.

В свою очередь, в контексте дискуссии о проблеме криминализации незаконного обогащения представляются неприемлемыми предложения о своего рода промежуточных вариантах ее решения. В частности, имеется в виду встретившееся пока в одной публикации положение о том, что «введение института конфискации имущества вне уголовного судопроизводства в российское законодательство, во-первых, не потребует внесения изменений в Конституцию РФ и УПК РФ; во-вторых, не нарушит принцип презумпции невиновности, поскольку судебный иск возбуждается в отношении имущества (?), а не против конкретного лица, и (или) не требуется вынесения обвинительного приговора в рамках уголовного судопроизводства»¹⁴. Ссылка в некоторых документах на упоминавшийся выше Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», которым якобы такой институт был введен, является безосновательной.

Актуальной проблемой, непосредственно связанной с имплементацией правовых норм, действующих за рубежом, с некоторых пор стала вновь считаться проблема уголовной ответственности юридических лиц и целесообразности ее введения в российское уголовное право.

Отношение к этому уголовно-правовому институту в России и странах СНГ варьируется в достаточно широком диапазоне — от полного отрицания до безоговорочной поддержки¹⁵. Как всегда при такой полярности мнений предлагаются компромиссные варианты. В основном они сводятся к обоснованию возможности введения в уголовное законодательство института мер безопасности — санкций,

¹³ Подробнее см.: *Добрякова Н. И.* К вопросу об имплементации Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // *Российская юстиция*. 2010. № 8. С. 45—47.

¹⁴ *Воронцов А. А., Парфенова М. В.* Перенос бремени доказывания законности происхождения собственности на обвиняемого // *Законность*. 2014. № 3. С. 47—50.

¹⁵ Так, согласно рекомендации XXIV Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) государствам — участникам организации рекомендовано принять необходимые законодательные меры в целях установления ответственности юридических лиц за преступления коррупционного характера.

¹¹ См. ст. 36 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией»; ст. 667 УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК.

¹² См.: *Синельников Ю. П.* Пути реализации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в российском законодательстве и прокурорской практике // *Законность*. 2014. № 2. С. 5—9.

существенно воздействующих на самостоятельность юридических лиц, однако не являющихся уголовными наказаниями¹⁶.

Для определения оптимального решения данной проблемы имеет смысл обратиться к истории вопроса.

Казалось бы, неприемлемость института уголовной ответственности юридических лиц для российского уголовного права вполне убедительно была доказана уже в начале XX в. Так, В. Александров обоснованно показал, что «корпорация по существу своему есть понятие, лишенное телесного бытия, и имеет лишь настолько самостоятельную личность и свою волю, насколько простирается юридический вымысел... преступные действия, так как они лежат вне цели корпорации, исходят не от корпорации, а лишь от членов ее, или других физических лиц, ее представляющих и участвовавших в совершении их»¹⁷. Поддерживая данную позицию, Л. С. Белогриц-Котляревский утверждал, что «юридические лица не могут быть субъектом преступления... потому, что они функционируют не непосредственно, а чрез представителей, а совершить преступление чрез последних нельзя, ибо уголовная ответственность есть личная»¹⁸.

Своего рода классически-негативное отношение к ответственности юридических лиц отчетливо прослеживалось в трудах известного государствоведа Н. М. Коркунова, который писал: «Их цели — те же людские интересы, только общие для определенной группы людей, их деятельность — деятельность людей, считающихся их членами или представителями, их воля — опять-таки воля этих же самых отдельных личностей... Это не более чем особый технический прием, упрощающий определение взаимных отношений заинтересованных при этом людей... Понятие юридического лица играет как бы роль скобок; однородные интересы известной группы лиц мы заключаем в понятие юридического лица и затем определяем отношения этой коллективной личности к другим»¹⁹. Выдающийся ученый Н. С. Таганцев также задолго до нашего времени указывал: «В теории уголовного права вопрос об уголовной ответственности юридических лиц давно уже разрешен в отрицательном смысле..., но за последнее время, благодаря новому учению германистов о природе так называемых юридических лиц, он снова обратил на се-

бя внимание»²⁰. При этом Н. С. Таганцев считал, что «преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикции юридического лица»²¹.

В наше время отнюдь не «германисты», а уже наши специалисты пытаются реанимировать идею уголовной ответственности юридических лиц, активный сторонник введения которой Б. В. Волженкин несколько лет назад предсказывал, что «есть определенные основания утверждать, что в недалеком будущем вопрос об установлении уголовной ответственности для юридических лиц вновь будет поставлен с достаточной остротой. Вряд ли российский законодатель останется в стороне и не отреагирует на заметную тенденцию расширения ответственности корпораций зарубежным законодательством»²². Как известно, российский законодатель пока остается в стороне, что представляется абсолютно правильным.

В этой связи нельзя не вспомнить об оживлении дискуссии о возможности введения в России уголовной ответственности юридических лиц в 1993—1994 гг. — в период разработки проекта ныне действующего Уголовного кодекса РФ. В нем, действительно, некоторое время имелась ст. 106, согласно которой устанавливалось, что юридическое лицо может быть привлечено к ответственности в трех случаях: 1) при неисполнении или ненадлежащем исполнении закона, устанавливающего обязанность или запрет на осуществление определенной деятельности; 2) осуществлении деятельности, не соответствующей учредительным документам или объявленной цели; 3) совершении преступного деяния в интересах юридического лица либо его допущения, санкционирования, одобрения, использования органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом. Однако несмотря на кажущуюся привлекательность подсказываемого зарубежными специалистами заимствования иностранного опыта, сулящего внесение как бы свежей струи в теорию и практику отечественного уголовного права, при принятии Уголовного кодекса РФ в 1996 г. соответствующие положения были исключены из его текста. Между тем обсуждение рассматриваемой проблемы продолжается. Вновь и вновь исследователи по сути возвращаются к тем же аргументам, уповающим преимущественно на новизну современной конкретной исторической ситуации, которая, безусловно, подчеркивает и рыночный крен российской экономики, и связанную с ней возросшую остроту проблемы противодействия коррупции.

¹⁶ См.: Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц и иные меры уголовно-правового характера в отношении организации // Уголовное право. 2009. № 1.

¹⁷ Александров В. Учение о лицах юридических по началам науки. М., 1865. С. 5.

¹⁸ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев; Пб.; Харьков, 1903. С. 108—109.

¹⁹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. 2-е изд. СПб., 2004. С. 185—186.

²⁰ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1: Учение о преступлении. СПб., 1874. С. 9.

²¹ Там же. С. 8.

²² Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 23.

Так, А. В. Федоров считает, что «введение уголовной ответственности юридических лиц обусловлено в первую очередь экономическими процессами, связанными со становлением и развитием рыночной экономики»²³. Как бы на значительное преимущество введения уголовной ответственности юридических лиц указывает Н. А. Голованова, полагая, что в современных условиях «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности»²⁴. Предлагает дополнить гл. 4 УК РФ нормой об уголовной ответственности юридических лиц А. И. Долгова²⁵. На общем фоне мнений сторонников уголовной ответственности юридических лиц представляет несомненный интерес позиция Л. В. Головки, считающего, что возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц может быть только акцессорной, сопряженной с одновременным привлечением к ответственности физических лиц²⁶.

Как и в прошлые времена, не менее активны сейчас научные и практические работники, обоснованно не приемлющие мысли о допустимости уголовной ответственности юридических лиц. Е. В. Богданов, например, убежден, что признание уголовной ответственности юридических лиц нельзя считать прогрессом правовой мысли. В его понимании, «если идея об уголовной ответственности юридических лиц будет все более отражаться в законодательстве, это будет означать только одно: в основе уголовного законодательства в этой части находится мифологическое восприятие окружающей действительности, философия времен пещер. Вряд ли можно надеяться, что посредством такого законодательства можно эффективно разрешать назревшие и назревающие общественные проблемы»²⁷.

²³ Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 55—63.

²⁴ Голованова Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: матер. для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2013. С. 153—163.

²⁵ См.: Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. С. 570, 578.

²⁶ См.: Головки Л. В. Преодоление проблемы уголовной ответственности юридических лиц в контексте концепции criminal matter («уголовного права в широком смысле»). URL: https://zakon.ru/blog/2012/5/14/preodolenie_problemy_ugolovnoj_otvetstvennosti_yuridicheskix_lic_v_kontekste_koncepcii_criminal_matt.

²⁷ Богданов Е. В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 33—35.

Не менее категорична в оценке института уголовной ответственности юридических лиц Н. Е. Крылова: «Попытки сформулировать понятие “вины” юридического лица, отличной от вины его представителей и руководителей (а для них вина — это психологическое отношение к деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности), заранее обречены на провал»²⁸. Помимо этого, «основанием уголовной ответственности согласно принципу законности выступает совершение преступления (или наличие его состава). Преступления как причиняющего ущерб действия или бездействия юридическое лицо совершить не может. Соответственно, для введения уголовной ответственности юридических лиц требуется пересмотр системы принципов и оснований привлечения к такой ответственности»²⁹. Кроме того, на наш взгляд, следует учитывать доктринальные основы, которые заключаются в признании того, что обязательным условием привлечения к уголовной ответственности (безусловное значение оно имеет в отношении коррупционных преступлений) является вина, т. е. психическое отношение лица к совершенному им деянию. Так, лицо, совершившее преступление, должно быть способно отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Такой способностью обладают лишь физические лица. Бесспорно мнение С. Е. Нарышкина и Т. Я. Хабриевой о том, что «сочетать принципы вины и личной ответственности с невиновной и коллективной ответственностью юридических лиц невозможно. Вины в традиционном уголовно-правовом смысле у юридических лиц нет, поэтому к ответственности за совершенные преступные деяния привлекают физических лиц»³⁰.

Справедливы опасения Г. И. Богуша о том, что «возможное введение уголовной ответственности юридических лиц потребует коренной переработки иных институтов уголовного права, таких как соучастие, стадии совершения преступления, обстоятельства, исключающие преступность деяния, и т. п.»³¹.

Представляется не вполне продуманным и в известной мере поспешным вывод о том, что можно, ничего не меняя в принципиальной структуре уголовной ответственности, просто включить без серьезного объяснения предпринимаемых изменений новую норму в Уголовный кодекс РФ, указав только круг

²⁸ Крылова Н. Е. Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ. М., 2009. С. 78—79.

²⁹ Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 5—12.

³⁰ Там же.

³¹ Богуш Г. И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2005. № 4. С. 19—29.

деяний, за совершение которых могут отвечать юридические лица, но не указав оснований их уголовной ответственности в отличие от оснований ответственности физических лиц. Однако многие страны континентальной Европы после вступления в Евросоюз активно вводят в свой уголовный закон данный институт (Нидерланды, Норвегия, Франция, Бельгия и т. п.). По этому пути пошли и некоторые бывшие республики Советского Союза (Грузия, Казахстан, Латвия, Литва, Молдова, Украина, Эстония). Нетрудно заметить, что в данном случае имплементация в действующее уголовное законодательство международных конвенций обеспечивает достижение эффекта, идущего, как представляется, вразрез с традициями континентального права³².

Безусловно, современные тенденции развития модельного и национального уголовного законодательства государств — участников СНГ о коррупционных преступлениях находятся в неразрывной связи с международными конвенционными рекомендациями. Вместе с тем необходимо понимать, что буквальная имплементация данных положений Конвенции вступает в противоречие с требованиями национального законодательства и традиционными уголовно-правовыми доктринами виновной ответственности. Не следует преувеличивать роль уголовной ответственности юридических лиц в сфере противодействия коррупции, так же как нельзя игнорировать тезис о том, что «опасность применения уголовной ответственности за коррупционные преступления будет мотивировать организацию к принятию более действенных средств контроля за деятельностью органов управления организации, обеспечения безопасности ее деятельности, т. е. должна повысить предупредительную роль уголовного закона в сфере предупреждения преступности»³³. Но эта опасность должна быть реальной, наряду с ее осознанием необходим механизм ее поддержания на нужном уровне.

Нисколько не умаляя сложности рассматриваемой проблемы, вместе с тем хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего нельзя игнорировать причины утверждения в правовой действительности уголовной ответственности юридических лиц. Данный институт, как известно, характерен для ряда иностранных государств, изначально в основном для стран англосаксонской правовой семьи. Его правомерность и, если хотите, необходимость объясняются тем, что административной ответственности в нашем понимании в Великобритании и других странах common law просто не

существует. Соответственно в сравнительно-правовом аспекте грань между преступлениями и административными проступками так отчетливо, как в Российской Федерации³⁴, проводится далеко не во всех государствах. Специалистами отмечаются в сложившейся сегодня ситуации серьезные противоречия между целями Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и возможностями их реализации. Здесь, как кажется, имеет место нежелательная «маскировка» уголовно-правовых по природе мер их обозначением в качестве мер «гражданско-правового» или «административно-правового характера». В сущности на Западе произошло своего рода воссоединение «права мелких санкций» с уголовно-правовой материей на уровне некоего «уголовного права в широком смысле»³⁵. В данном отношении заслуживает внимания практика Европейского суда по правам человека³⁶. В ряде своих важнейших решений Суд указал, что «государство вправе декриминализировать и вывести за границы формального уголовного права определенные деяния, терминологически обозначив их, как ему угодно, но при этом оно обязано сохранить при производстве по ним всю полноту гарантий, предусмотренных фундаментальными международно-правовыми и конституционно-правовыми принципами уголовного права и процесса (презумпция невиновности, право на защиту, право на обжалование и др.)»³⁷.

Для Российской Федерации введение уголовной ответственности юридических лиц, на наш взгляд, не имеет сколько-нибудь достаточных оснований. Не повторяя высказанные в научных работах в подтверждение данного тезиса доводы, хотелось бы обратить внимание на три представляющих, на наш взгляд, интерес обстоятельства: 1) какие меры уголовно-правового воздействия могут быть применены относительно юридических лиц. Судя по опыту зарубежных стран, это: штраф, лишение лицензии, ликвидация юридического лица. Данные меры, как кажется, вполне реально могут быть установлены отечественным законодательством об административных пра-

³⁴ См.: Головкин Л. В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права // Государство и право. 2007. № 1. С. 38—45.

³⁵ Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 42—52.

³⁶ См.: Головкин Л. В. Уголовная ответственность юридических лиц. Аналитическая записка. Алматы, 2009. С. 4.

³⁷ См., например: § 80—82 постановления ЕСПЧ от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель и др. против Нидерландов»; § 36 постановления ЕСПЧ от 11 февраля 2003 г. по делу «Рингвольд против Норвегии»; § 55 постановления ЕСПЧ от 25 августа 1987 г. по делу «Лутц против Федеративной Республики Германия».

³² См.: Власов И. С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 82—89.

³³ Кашенов В. П. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 90—101.

вонарушениях; 2) установление вины юридического лица в уголовно-правовом понимании, что представляется по меньшей мере затруднительным, по существу — невозможным, а также исключающим, на наш взгляд, возможность привлечения юридического лица к уголовной ответственности; 3) уголовная ответственность физических лиц — истинных субъектов преступления, которое вменяется в вину юридическому лицу. Не будет ли уголовная ответственность юридических лиц дублированием их ответственности и нужно ли такое дублирование?

С учетом сказанного привлекает внимание развернувшееся на страницах печати и в электронной сети обсуждение поступившего в Государственную Думу проекта федерального закона, касающегося введения в Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц, которым, в частности, предусматриваются определенные виды наказания для юридических лиц, по существу заимствованные из КоАП РФ³⁸. На наш взгляд, в данной ситуации более уместным было бы исходить из необходимости анализа проблемы уголовной ответственности юридических лиц в России на основе предварительно-

го определения концептуальных положений, фиксирующих четкие критерии разграничения, равно как и соотношения преступлений и административных правонарушений, требования соблюдения принципа личной ответственности, а также принципа вины лица, совершившего преступление.

Будучи членом мирового правового сообщества, ратифицировав конвенции, определяющие международно-правовые основы противодействия коррупции, Россия взяла на себя обязательства по учету международных стандартов и рекомендаций, касающихся уголовно-правовых методов борьбы с коррупционными преступлениями, и неуклонно следует им. При этом не только не исключается, а в соответствии с принципами международного права, как отмечалось выше, прямо предполагается учет особенностей российской правовой системы, соблюдение правовых традиций отечественного права при решении уголовно-правовых проблем, в том числе касающихся уголовной ответственности юридических лиц. В настоящее время для России и государств СНГ более актуальным в сфере противодействия коррупции является не введение уголовной ответственности юридических лиц, хотя в теоретическом плане обсуждение этой проблемы вполне допустимо и даже в определенном смысле полезно, а установление на всех уровнях действенного контроля деятельности лиц, выполняющих публичные функции, и соответственно обеспечение их реальной и адекватной ответственности во всех случаях выявления коррупционных правонарушений.

³⁸ См.: Михайлов В. И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: матер. российско-немецкого уголовно-правового семинара / отв. ред. Г. И. Богуш; науч. ред. У. Зиббер, В. С. Комиссаров. М., 2013. С. 97—102.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александров В. Учение о лицах юридических по началам науки. М., 1865.
- Алексеев А. Презумпции против коррупции // Законность. 2008. № 4.
- Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев; Пб.; Харьков, 1903.
- Богданов Е. В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // Российская юстиция. 2011. № 8.
- Богуш Г. И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2005. № 4.
- Взятки не гладки // Российская газета № 6552. 2014. 12 сент. URL: <https://rg.ru/2014/12/09/ivanov.html>.
- Власов И. С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2015. № 11.
- Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998.
- Воронцов А. А., Парфенова М. В. Перенос бремени доказывания законности происхождения собственности на обвиняемого // Законность. 2014. № 3.
- Голованова Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: матер. для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2013.
- Головко Л. В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права // Государство и право. 2007. № 1.
- Головко Л. В. Преодоление проблемы уголовной ответственности юридических лиц в контексте концепции criminal matter («уголовного права в широком смысле»). URL: https://zakon.ru/blog/2012/5/14/preodolenie_problemy_ugolovnoj_otvetstvennosti_yuridicheskix_lic_v_kontekste_koncepcii_criminal_matt.
- Головко Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1.
- Головко Л. В. Уголовная ответственность юридических лиц. Аналитическая записка. Алматы, 2009.
- Добрякова Н. И. К вопросу об имплементации Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Российская юстиция. 2010. № 8.
- Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011.

- Кашепов В. П. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 3.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. 2-е изд. СПб., 2004.
- Крылова Н. Е. Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ. М., 2009.
- Лут С. С. Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования антикоррупционного законодательства России // Российский следователь. 2010. № 22. С. 11.
- Михайлов В. И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: матер. российско-немецкого уголовно-правового семинара / отв. ред. Г. И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В. С. Комиссаров. М., 2013.
- Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идей в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2.
- Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. 2011. № 9.
- Ратификация от противного // Ведомости. № 3735. 2014. 11 дек. URL:<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/12/11/ratifikaciya-ot-protivnogo>.
- Селина Е. В. Презумпция невиновности в уголовном праве // Российская юстиция. 2015. № 8.
- Синельников Ю. П. Пути реализации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в российском законодательстве и прокурорской практике // Законность. 2014. № 2.
- Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1: Учение о преступлении. СПб., 1874.
- Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1.
- Хабриева Т. Я. Конференция ООН против коррупции 2015 года в России: новые подходы и идеи // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6.
- Хабриева Т. Я. Научное обеспечение предупреждения коррупции: преодоление стереотипов и современные проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2.
- Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц и иные меры уголовно-правового характера в отношении организации // Уголовное право. 2009. № 1.
- Юсуфов А. Ш. Основные направления деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2.